
БОРИС КОНУХОВ

“ПРЕДНАЗНАЧЕННОЕ РАСТАВАНЬЕ”

*Почему? Зачем?
Недоуменье смяло.
В. Маяковский*

В хронологической канве жизни Сергея Есенина есть строка: “1925 год, декабрь, 27. Пишет: “До свиданья, друг мой, до свиданья...” и далее: “в ночь с 27 на 28. Трагическая смерть Сергея Александровича Есенина».

На следующий день похорон знакомый Есенина Вольф Эрлих прочтет эти писанные кровью стихи как адресованные ему накануне ухода поэта из жизни. Вот они.

*До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

*До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

Эти восемь строк и в наши дни продолжают служить основным доказательством факта самоубийства поэта. Однако многие исследователи и биографы Сергея Есенина предпочитают говорить не о самоубийстве, а о трагической гибели поэта, и ставят под “последним” стихотворением дату не 27 декабря, а просто 1925 год.

“Почему? Зачем? – вопрошал Владимир Маяковский. – Недоуменье смяло”. И, словно предчувствуя, что разгадку этого чудовищного конца яркой жизни поэта нужно искать в чем-то другом, заключает: “Не раскроют нам причин потери ни петля, ни ножик перочинный”.

Но сколько же можно еще оставаться в недоумении, создавать многочисленные комиссии, уговаривать родственников поэта и требовать у властей вскрытия могилы для повторных экспертиз? Чтобы доказать очевидное, ничего этого не нужно. Сам поэт в конце своей короткой автобиографии говорил, что все подробности его жизни в стихах. А если это так, то в стихах надо искать и подробности смерти поэта. И было бы логично начать с того самого, “предсмертного” стихотворения.

О том, что оно не прощальное и не предсмертное, говорит уже первая строка: “До свиданья, друг мой, до свиданья”. То есть поэт не прощается с

другом, а расстается, дважды повторяя “до свиданья”. Зачем дважды? Повторяют обычно, когда настаивают на чем-то. На чем же настаивает поэт? На том, что друзья обязательно свидятся, несмотря на то, что один из них на пороге смерти. Поэт призывает неведомого нам друга верить в свидание после смерти. Но кто же тогда находится на пороге смерти? Не друг ли поэта прощается с жизнью? Ведь если сам поэт задумал уйти из жизни, то зачем же он втягивает в это своего друга, обещая и ему неизбежную смерть:

*Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.*

Если так, не слишком ли много в этих двух строках зловещего цинизма? Я, мол, сейчас повешусь, ну а потом и твой черед. Так не прощаются с другом и так не пишут поэты уровня Сергея Есенина. “Предназначенное расставанье” не может быть самоубийством. День сведения счетов с жизнью, конечно, можно назначить, но его нельзя предназначить. Предназначают до нас, за нас, и делает это сила выше нас. Верующие называют эту силу Божьим Промыслом или Судьбой. Самоубийство – преступление и против Бога, и против Судьбы. И оно не может быть предназначено. Самоубийства нет в Божьем замысле о человеке. Оно совершается самовольно, наперекор высшей воле. Оно осуждается церковью – самоубийц не отпевают. Есенин не забывал церковной традиции и знал цену слов. И мы не станем больше задавать лишних вопросов, а взглянем на это писанное кровью стихотворение со всей подобающей моменту серьезностью, окрашенной к тому же в глубочайшие религиозные тона.

Итак, поэт расстается с очень близким, сердечным другом и, утешая его, обещает встречу за гробом. А до этой встречи он будет нести образ уходящего друга в своей груди:

Милый мой, ты у меня в груди.

Друг должен умереть. Это – неизбежность. Ему это предназначено. Этого нельзя отменить. Но о какой смерти идет речь? Речь идет о преждевременной, насильственной смерти, потому что естественной смертью умрет в свое время каждый из нас. Такая же насильственная смерть предназначена и поэту. Вот откуда это “До свиданья, до свиданья!”. “Прощай!” – было бы уместно лишь в том случае, если бы гибель грозила только одному из друзей.

Поэт не прощается с жизнью, а временно расстается с милым другом, утешая его заочно, говоря, что предназначенное другу предназначено и ему, и что это предназначение “обещает встречу впереди”. О том, что обоим друзьям предназначена насильственная смерть, мы узнаем в конце стихотворения:

*В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.*

То есть не бойся преждевременной смерти и не жалей, что жизнь оборвалась. Поэт знает, с кем и о чем он говорит. Мы тоже это узнаем.

Друзьям предназначена насильственная смерть. Но почему же они не могут встретиться, обнять друг друга, поговорить, предпринять что-то, что позволило бы как-то изменить ситуацию? Почему второе четверостишие начинается со слов:

*До свиданья, друг мой, без руки, без слова?
(Подчеркнуто мной. – Б. К.)*

Друг ему недоступен. Здесь речь не о том, что в такие минуты не стоит ничего говорить, что напрасны рукопожатья и что объятия ни к чему. Поэт не отстраняет руки друга, не прикрывает ладонью его уст, когда говорит: “без руки, без слова”. Никто не тянет к нему руки. Но поэту самому хочется пожать руку друга и утешить его:

Не грусти и не печаль бровей.

Но такой возможности нет. Друг изолирован. Он накануне казни и не доступен для общения. Тогда зачем писать, если невозможно передать написанное? Но потому-то стихи и пишутся не чернилами, а кровью. Поэт надеется, что Тот, “Кто слышит пролитую кровь”, как определил Господа Бога другой русский поэт, поможет узнику в последние минуты жизни через голос крови услышать слова утешения.

Кто же из близких друзей Есенина, из милых, сердечных друзей, встретил в 1925 году насильственную смерть? Только один и очень близкий друг – поэт Алексей Ганин.

Они познакомились в июле 1916 года. Шла мировая война. Ганин был очарован как поэзией Есенина, так и самим поэтом: “Другу, что в сердце мед, а на губах золотые пчелы-песни”. Такое посвящение Сергею Есенину написал Алексей Ганин на своей поэтической книге “Красный час”. Есенин нашел в Ганине поэтического брата по крови.

*Гонимый совестью незримой
За чью-то скорбь и тайный грех,
К тебе пришел я, край родимый,
Чтоб полюбить, прощая всех.*

*В твоих полях, в твоём покое,
В шелковых мхах твоих ланит
От зла и каменного воя
Я думал сердце схоронить.*

*Я думал бред души неверной
Стряхнуть в безвременной поре
И за лесной твоей вечерней
Молиться радостной заре...*

Оба поэта приняли Революцию как освобождение от чуждой русскому духу неметчины, “царщины”, как называл Есенин гнет романовской эпохи. Однако вскоре стало очевидным, что новая власть учинила еще более жестокое гонение на дорогие им идеалы Святой Руси, обрекая народ на глубокие нравственные страдания.

*Но кто-то дико заглумился
Над сном и сказкой вековой,
И новым перстнем обручился
Я с той же скорбью полевой.*

Ганин был один из самых одаренных и прозорливых поэтов есенинской плеяды. И самый неосторожный из них. Он составил для публикации за границей тезисы о преступной сущности новой власти, за светлыми лозунгами которой – кровь и смерть. И власть подтвердила правоту поэта его арестом по сфабрикованному “Делу русских фашистов” и вынесением ему смертного приговора.

В Бутырской тюрьме Ганина жестоко пытали. Поэт, не выдержав пыток, сошел с ума. Его расстреляли умалишенным. Расстреливали не грешный разум поэта, не его вину, а его покающую христианскую душу, его Бога, его оправдание.

Это был первый расстрел среди поэтов есенинского круга. С 1925-го по 1940 год будут расстреляны почти все так называемые “крестьянские”, читай – христианские, поэты: Николай Клюев, Сергей Клычков, Петр Орешин, Василий Наседкин, Иван Приблудный, Павел Васильев. Это был цвет русского народа. Не все из них были одинаково одарены. Разные причины привели этих поэтов к гибели. Но все они ощутили на себе враждебность тогдашней власти и осознали неизбежность гибели от нее.

Ганин был расстрелян 30 марта 1925 года.

В эти дни Есенин, долго находившийся на Кавказе, возвращается в Москву. На четыре дня отъезжает в родное Константиново, получает временное удостоверение личности и вновь возвращается в столицу. Его ищет через со-

трудницу ВЧК Галину Бениславскую Вольф Эрлих, тот самый, который назовет себя адресатом “предсмертного” стихотворения Есенина. Но поэт неожиданно для всех 27 марта, за три дня до казни Ганина, вновь бежит из Москвы на Кавказ.

Почему бежит, а не уезжает? Потому что с ним уже была беседа работников ГРУ о Ганине. К счастью, Ганин не назвал своего друга среди членов так называемого “Ордена русских офицеров”. Но за Есениным было еще “Дело № 2037”, так называемое “Дело четырех поэтов”, по которому проходили и он, и Ганин. Это было в ноябре 1923 года, дело еще не было закрыто. Известный журналист Михаил Кольцов тогда же в газете “Правда” приравнивал созданное Есениным национальное литературное объединение “Россияне” к фашистской партии. И хотя товарищеский суд писателей оправдал обвиненных в антисемитизме русских поэтов, уголовное дело закроют только после смерти Есенина. Поэт понимал, что он основной объект травли и что он будет убит вслед за Ганиным. Вот тогда и были написаны эти высокие, трагические, но полные веры в бессмертие стихи:

*Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди...*

Поэты должны были исполнить свое предназначенье: свидетельствовать своей жизнью, своим творчеством, своей смертью об антирусском, антихристианском, антинародном характере тех, кто вырвал из рук народа плоды революции и обратил ее против самого народа.

Итак, стихотворение “До свиданья, друг мой, до свиданья...” написано в конце марта 1925 года, когда в Бутырской тюрьме был истязаем, а затем казнен друг Есенина поэт Алексей Ганин. И с этого момента, с марта по декабрь, Есенин жил в ожидании собственной смерти. Он скрывался то на Кавказе, то в Константинове, то отлеживался по больницам и психлечебницам. Он немедленно публиковал каждое свое стихотворение, открыто говоря о близкой смерти, объясняя свое поведение, делясь опытом жизни в условиях “омерзительного и паскудного времени в литературе”, как он сам называл дни, в которые ему выпало творить. Наконец, он готовил итоговое собрание своих стихотворений, вычитывал гранки, и все же погиб, не дождавшись выхода в свет ни одного из трех томов.

После гибели Есенина назовут поэтом смерти. То есть тем, кто воспевал смерть. Нет ничего удивительного в том, что поэты часто обращаются к теме смерти. Смерть начинает волновать каждого человека уже в детстве. Этой темой полны народные сказки, песни, пословицы, поговорки. По-своему отразилась эта тема и в творчестве Есенина: в его поэзии, по сути, вообще нет речи о смерти. По крайней мере, до революции и Гражданской войны – не было. Можно ли принять за воспевание смерти, например, такие строчки поэта:

*Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

Он всем своим существом выражал беспредельную любовь к жизни, не только временной, земной, чьи любимые приметы он называл в каждой поэтической строчке, но к вечной, неизвестной, желанной, небесной, на пути к которой надо преодолеть все:

*И не избегнуть бури,
Не миновать утрат,
Чтоб прозвенеть в лазури
Кольцом незримых врат.*

То есть чтобы сподобиться вечной жизни. Те, кто придумали ему смерть, нашли единственный образ, который привязывал поэта к земле, то есть к смерти в земном понимании:

*В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь.*

Речь идет о бродяге, обманутом другом и отвергнутом любимой, который, радуясь их счастью, так оригинально окончил свои дни. Но, читаем дальше, ничего не изменится после такой выходки ни в природе, ни в людях:

*А месяц будет плыть и плыть,
Роняя весла по озерам...
И Русь все так же будет жить,
Плясать и плакать у забора.*

Поэт уже в раннем стихотворении 1916 года художественно осознал бессмысленность самоубийства. Но образ запомнился не только тем, кто любил поэта.

В начале своего творческого пути поэт, воспитанный в правилах строгого религиозного благочестия, пребывая на предельных высотах духа, часто ассоциирует себя то с бродягой, то с вором, то с убийцей. Он не стал ни тем, ни другим, ни третьим. Но вот что он писал одному из своих друзей в апреле 1913 года: “Меня считают сумасшедшим и уже хотели вести к психиатру, но я послал их к сатане... Да, Гриша, люби и жалей людей, и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников. Ты мог и можешь быть любимым из них. Люби угнетателей и не клейми позором, а обнаруживай лаской жизненные болезни людей. Не избегай сойти с высоты, ибо не почувствуешь низа и не будешь о нем иметь представления...”

*Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сырым.
Много мечтает их, сильных и злых,
Выкусить ягоды персей твоих.*

Поэт часто сходил с высоты, чтобы ощутить “низ” и примерить его на себя, пока этот “низ” не придавил его всей своей железной тяжестью.

За полторы недели до смерти Ганина журнал “Город и деревня” публикует поэму Есенина “Мой путь”, которая начинается со слов “Жизнь входит в берега”. Поэма — своеобразное вступление в новую жизнь, когда, осознав ее цену и ценность своего творчества, поэт намеревается жить по-новому.

*Ну что же?
Молодость прошла!
Пора приняться мне
За дело,
Чтоб озорливая душа
Уже по-зрелому запела.*

Почти накануне смерти Ганина, за полгода до собственной гибели, поэт собирался жить и творить уже как зрелый художник. И многие исследователи его творчества считают, что именно в эти последние полгода жизни поэту удалось создать лучшие свои лирические стихотворения. Но все же нельзя не заметить, что отношение к смерти у поэта резко изменилось после расправы над Ганиным. Тема смерти ушла из образного, религиозно-философского плана в прямой текст, в информационный ряд, в конкретику факта. И если не учитывать того, что случилось в марте 1925 года, нельзя до конца постичь содержание есенинской лирики последних месяцев жизни. Вот что писал поэт в мае 1925 года, покидая Баку после двух месяцев напряженного творчества на даче главного редактора газеты “Бакинский рабочий” П. И. Чагина.

*Прощай, Баку! Тебя я не увижу.
Теперь в душе печаль, теперь в душе испуг.*

Многие литературоведы видят здесь набор романсных штампов: “прощай”, “тебя я не увижу”, “в душе печаль”, но ни один не хочет понять, о каком испуге идет речь, и никак это не объясняют. А если знать, что испугало

поэта, то никакого романса не услышать. Его здесь нет, а есть прямое прощание с городом, с другом, с творчеством и с жизнью:

*Прощай, Баку! Прощай, как песнь простая!
В последний раз я друга обниму...*

А вот что написано в стихотворении “Спит ковыль. Равнина дорогая...”. После посещения родного села уже в июле 1925 года поэт говорит о том, что родину невозможно разлюбить, как бы она ни изменилась.

*Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.*

И все же новая жизнь коснулась новым светом и его судьбы. Что же это за свет?

*По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет кровью
На мои поляны и луга.*

Поэт чувствует, что его вытесняют из жизни. Те, кто оформили его преждевременный уход, забрызгав кровью зловещий номер гостиницы “Англетер”, были значительно моложе него. А ведь это к ним так “прочувствованно” он обращался в конце стихотворения:

*Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!*

На пороге своего тридцатилетия поэт осознает, что жизнь ему с каждым днем все дороже.

*Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь...*

И земля милей мне с каждым днем...

Только горько видеть жизни край.

Кто показал ему край жизни? Почему он так уверен, что она вот-вот кончится? Ведь он этого не хочет.

*Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.*

.....
*Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.*

Но на дворе еще только сентябрь. Впереди еще четыре месяца жизни, четыре месяца “обмана с чарующей тоскою”. Но он уже готов на все. И за все благодарит уходящую жизнь. Он посвящает сестре Шуре очаровательный цикл стихотворений: “Я красивых таких не видел...”, “Ты запой мне ту песню, что прежде...”. Он оформляет брак с внучкой Льва Толстого Софьей, с которой у него были весьма непростые отношения.

Еще в июле он написал загадочное стихотворение:

*Вижу сон. Дорога черная.
Белый конь. Стопа упорная.
И на этом на коне*

*Едет милая ко мне.
Едет, едет милая,
Только нелюбимая.*

Поэт любит другую. А эта, нелюбимая, лишь искаженный образ той, в которую он влюблен.

*Светит месяц. Синь и сонь.
Хорошо копытит конь.
Свет такой таинственный,
Словно для Единственной –
Той, в которой тот же свет
И которой в мире нет.*

С большой буквы пишутся только божественные имена. Ясно, о ком гре-
зит поэт.

*Чтобы сердцем не остыть,
За березовую Русь
С нелюбимой помирюсь.*

Он закликает жизнь не уходить.

*Подержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.*

Какие прекрасные полгода!

*Снова я ожил и снова надеюсь
Так же, как в детстве, на лучший удел.*

И вдруг опять “с тихую болью” вспоминаются ранние годы.

*Вспомнил я дедушку, вспомнил я бабу,
Вспомнил кладбищенский рыхлый снег.*

.....
Все успокоились, все там будем...

.....
*Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.*

И пишется “Песня”, которую будут вспоминать многие, как пелась она по-
тускневшим голосом надломленного бедами поэта, как с ухватками заправ-
ского деревенского плясуна выплясывал он каждый стих, словно не свой, а
заученный еще в далеком детстве.

*Есть одна хорошая песня у соловушки –
Песня панихидная по моей головушке.*

Поэт прощался с жизнью.

*Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почуял
Тот, кто вьется в вышине.*

Наступает октябрь.

*Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?*

В эти октябрьские дни, осознавая свое безвыходное положение, поэт

всматривается в себя, ищет в себе причины, приведшие его на край пропасти, и не находит их.

*Пусть на окошках гнилая сырость,
Я не жалею, я не печален.
Мне все равно эта жизнь полюбилась,
Так полюбилась, как будто вначале.*

В какой-то отрезок времени он так не жил, а лишь тревожил сердце бессмысленной борьбой, прикоснувшись к чему-то враждебному, страшному и ненужному. В юности его отношения с миром были иные:

*Мир вам, рощи, луг и липы,
Литии медовый ладан!
Все приявшему с улыбкой
Ничего от вас не надо.*

Теперь поэт снова вспомнил установления юности.

*Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе.*

Стихи первых лет в дни подготовки собрания сочинений всегда были под рукой, и он заканчивает стихотворение на той же мысли, что владела им в юности.

*Жить нужно легче, жить нужно проще,
Все принимая, что есть на свете.*

И когда осенние цветы 1925 года уходили под снег, он уже не питал никаких иллюзий о том, что это не последняя его осень. Прощаясь с цветами и сравнивая себя с цветком, поэт прощался и с самим собой.

*Цветы мне говорят — прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я навеки не увижу
Ее лицо и отчий край.*

*Любимая, ну что ж! Ну что ж!
Я видел их и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю.*

О каком самоубийстве может идти речь, если за два месяца до трагедии поэт приемлет предназначенную ему смерть, как Божью ласку? Так готовятся к смерти смиренники, схимники, Божьи люди.

В ноябре выходит в свет его исповедальный “Черный человек”.

*Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...*

Вспоминают, что поэт плакал, читая эту строфу о простом крестьянском мальчике, который стал скандальным поэтом “с небольшой, но ухватистой силой”. Почему же теперь, когда он смотрит в зеркало, там отражается какой-то чужой, черный человек?

*Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнуся надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь
Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.*

Трость, которую бросает герой поэмы в свое отражение в зеркале, уничтожает только зеркало. Но царившая в душе чернота уже не может безраздельно владеть героем. Таинство исповеди и покаяние свершились. Он знает, как хотел бы жить дальше. Он вернулся к себе молодому, заклинавшему себя на пороге великих потрясений:

*Будь же холоден ты, живущий,
Как осеннее золото лип.*

Теперь он холоден, тих и молчалив, но по-весеннему холоден.

*На душе холодное кипенье,
И сирени шелест голубой.*

А ложной игре в любовь, пусть и с законной женой, он предпочитает ласку лунного света, струящегося к его изголовью.

*Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.*

Не та ли, о которой он писал, захлебываясь от восторга, в начале пути?

*Глубинный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,
Заглушил мой слабый крик.*

*Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов.
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров.*

У него есть не заемный, свой идеал, своя любовь, своя защита, а значит, и счастье, которое он никогда не отвергнет. Но ни он, ни его собратья по перу будут не в силах отменить предназначенное им расставанье, жестокую смерть от "сильного врага". Вот и все.

А самоубийство, которое якобы случилось в ночь с 27-го на 28 декабря 1925 года в зловещем 5-м номере гостиницы "Англетер", никак не вписывается в декабрьские грезы великого русского поэта Сергея Есенина.